

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СООТНОШЕНИЕ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОБВИНЯЕМОГО И ПОТЕРПЕВШЕГО В РАМКАХ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Настоящая статья посвящена теоретическим и практическим вопросам соотношения законных интересов личности обвиняемого и потерпевшего в рамках российского уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: обвиняемый, потерпевший, законный интерес, соотношение законных интересов, уголовно-процессуальная модель.

Общепризнано, что личность обвиняемого, как и личность потерпевшего, отражают сущность всего уголовного процесса, влияя на его построение. Являясь участниками стороны обвинения и защиты, они обладают комплексом прав и обязанностей, закрепленных в УПК РФ, которые в свою очередь ориентированы на достижение в рамках уголовного судопроизводства поставленных интересов. Особенность в том, что изначально речь идет о противоположности, разной процессуальной направленности. По мнению, А.П. Кругликова, закрепленные в ст. 42 и других статьях УПК права потерпевшего обеспечивают ему доступ к правосудию, в процессе осуществления которого защищаются его интересы. В силу сказанного представляется не вполне обоснованным говорить только об обеспечении прав потерпевшего, не указывая при этом на необходимость обеспечения его интересов. Любое преступление унижает честь и достоинство потерпевшего, нередко причиняя ему физический и имущественный вред. Таким образом, преступление существенно затрагивает интересы потерпевшего, которые должны быть защищены [1, с. 64]. Однако в этой статье наша цель рассмотреть вопрос, касающийся возможности построения теоретического соотношения интересов обвиняемого и потерпевшего в досудебном производстве, а также выделить проблемные аспекты.

Данный вопрос рассматривается нами с учетом предложенной уголовно-процессуальной модели на предмет реализации законных интересов [2, с. 378-380].

Во-первых, категория «законные интересы» потерпевшего также как и обвиняемого, в уголовном процессе обладает правовой самостоя-

тельностью наряду с правами и обязанностью. Таким образом, по нашему мнению, это является первоочередной предпосылкой применить разработанную модель реализации интересов именно к потерпевшему, показывая универсальность такой конструкции. В этой связи, на наш взгляд, следует дополнить ст. 42 УПК ч. 1.1 и представить в следующей редакции: *«Потерпевший в уголовном судопроизводстве реализует свои интересы посредством предоставленных ему прав и обязанностей»*.

Во-вторых, определяя для себя цель, потерпевший стремится ее достичь, как правило, посредством процессуальных действий должностных лиц, законного представителя, представителя, и также собственных действий, т.е. в зависимости от категории уголовных дел, которые носят публичный, частно-публичный и частный характер. Движение процессуального механизма модели при этом можно представить в разных вариантах. Первая ситуация, как нам представляется, исходит из характеристики российского уголовного процесса в части необходимости возбуждения уголовного дела и вынесения соответствующих процессуальных решений. Таким образом, формирование содержания законных интересов потерпевшего, как и обвиняемого, процесс, состоящий из этапов, последовательно сменяющих друг друга. В связи с этим первый этап характеризуется необходимостью наличия процессуальных документов, т.е. постановления о возбуждении уголовного дела, о признании лица потерпевшим и т.д., вплоть до вынесения приговора.

В-третьих, затрагивая вопрос соотношения интересов обвиняемого и потерпевшего через уголовно-процессуальную модель, мы сделали

акцент на решение некоторых наиболее острых аспектов, отраженных в теории и практике уголовного процесса. Так, по мнению В.И. Комиссарова, «.... потерпевшие, а порой и раскаивающиеся преступники, весьма неохотно идут на контакт с правоохранительными органами. Как видим, кажущееся «изобилие» нормативных актов, ориентированных на защиту прав потерпевших от преступлений, на деле мало способствуют повышению эффективности борьбы с преступностью. Получается, что в уголовном судопроизводстве в области защиты прав человека действует «двойной стандарт»: один, о котором много говорится, в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а другой – в отношении потерпевшего» [3, с. 32-33].

Обозначенная нами модель, универсальность ее характера как раз и предназначена для уменьшения пределов обозначенных стандартов, о которых шла речь выше. Внутренние составляющие конструкции, обладая единой основой их построения, как в отношении интересов обвиняемого, так и потерпевшего, при условии выполнения обязанностей должностных лиц органов предварительного расследования, способны самостоятельно регулировать уголовно-процессуальные отношения, ту их часть, которая совпадает, и можно при этом назвать одним из вариантов соотношения.

Естественно, что такая позиция применима не ко всем категориям уголовных дел.

В-четвертых, законный интерес потерпевшего проходит свое формирование через социально-психологическую основу, элементы состава преступления и уголовно-процессуальное право. Это позволяет подчеркнуть еще одну объединяющую связь между интересами обвиняемого и потерпевшего.

Кроме того, рассуждая о личности потерпевшего, В.И. Комиссаров приходит к выводу об отсутствии на уровне теории и практики единой стратегии комплексной, целенаправленной борьбы с нарушением прав потерпевшего от преступлений. Думается, что как криминалистам, так и процессуалистам, учитывая современные тенденции в сфере изменения уголовно-правовых, уголовно-процессуальных отношений, а также требований международных стандартов, есть смысл объединить усилия в решении задач, связанных с обеспечением прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве [3, с. 34].

Однако самое поразительное в этом то, что такая же проблема четко прослеживается и в отношении обвиняемого (подозреваемого).

Например, И.В. Жеребятьев, изучая личность потерпевшего, подчеркивает наличие нашей правовой идеологии [4, с.150], в частности, российского уголовного процесса, оказывающего влияние на положение указанного субъекта. Возможно, предпосылки к этому как раз и заложены в деятельности должностных лиц органов предварительного расследования. Так, В.П. Божьев, рассматривая вопрос об участии потерпевшего на предварительном следствии, отмечает, что «по данным Верховного Суда РФ, ежегодно в стране жертвами преступлений являются до двух миллионов человек, но только каждый пятый обращается за помощью в правоохранительные органы. Это положение нередко объясняется недостаточным вниманием к пострадавшим со стороны правоохранительных органов, что, конечно, заслуживает особого внимания. Вместе с тем судебная практика подтверждает, что одной из предпосылок недостаточно активной деятельности при производстве по уголовному делу потерпевших является их **юридическая беспомощность** [5, с.21]. И как верно подчеркнул в своей работе Н.А. Колоколов, интересы обвиняемого – забота защитника, а интересы потерпевшего – дело прокурора [6, с. 15].

Действующая позиция законодателя относительно досудебного производства возводит во главу угла только лишь деятельность органов предварительного следствия и суда, отталкиваясь от нее, хотя, на наш взгляд, изначально там должен находиться вопрос сглаживания углов между поставленными интересами обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего. В этом и есть идея национального процесса, новая задача, которую следует развивать российскому уголовному процессу путем активной процессуальной деятельности обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего. Изначально должно быть показано присутствие стороны обвинения и защиты в равных началах, причем более всего интересует личность обвиняемого и потерпевшего. В этой связи не совсем верным, по нашему мнению, является высказывание А.Б. Чичканова о том, что предварительное расследование по своей природе не может быть состязательным. На предварительном следствии нет и не должно быть сторон [7, с.126-128]. Это

высказывание отражает четко сформировавшийся стереотип о том, что предварительное расследование есть действия должностных лиц, формирующие досудебное производство. По этому поводу, известный норвежский криминалист Н.Кристи высказал мнение, согласно которому государство необоснованно монополизировало право на разрешение уголовно-правовых конфликтов, превратив их в свою собственность [8, с.28,36]. Назначение реального срока наказания лицу, совершившему преступление, – цель всей процессуальной деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Однако, насколько это эффективно сегодня?

В.И. Комиссаров приходит к выводу, что согласно ч. 3 ст. 42 УПК потерпевшему обеспечивается возмещение вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, в порядке, предусмотренном ст. 131 УПК. Это положение полностью согласуется и с международными нормами, и с конституционными, и с уголовно-процессуальными принципами. Однако, как показывает судебная практика, осужденные редко добровольно возмещают ущерб (принцип реституции). Тогда суд обязывает виновного возместить ущерб, причиненный в результате совершенного им преступления. И здесь, как справедливо пишет Е.М.Николаев, возникает тупиковая ситуация: «Большинство осужденных в местах лишения свободы не работают. Но даже если осужденный и работает, то его заработанные деньги распределяются не в интересах потерпевшего. Согласно УИК РФ из заработка осужденного сначала удерживаются: 1) налоги в доход государства; 2) алименты на детей осужденного; 3) покрытие государству затрат на содержание самого осужденного. Кроме того, закон гарантирует осужденному (не потерпевшему) зачисление на его счет от 25 до 50% заработка». Учитывая нынешнее материальное содержание заключенных, жертве преступления фактически ничего не достается ни от государства, ни от осужденного [3, с. 33].

Насколько сложно в рамках уголовного дела соотношение личности потерпевшего и обвиняемого, можно увидеть на примере следующей ситуации. В США 10-летний мальчик

предстанет перед судом по обвинению в убийстве своего отца, принадлежавшего к группировке неонацистов. Глава местного движения неонацистов Джеффри Холл был застрелен собственным сыном у себя дома в округе Риверсайд штата Калифорния. Как установило следствие, это было совершено намеренно. Перед убийством отец с сыном не ссорились, также ранее полиция не получала отрицательных отзывов об отношении Холла к своему сыну. Судьи затрудняются сказать, как будут судить обвиняемого: как ребенка или как взрослого. Адвокат мальчика заявил, что тот может быть объявлен сумасшедшим и тогда избежит наказания [9]. Если переложить или трансформировать в части приведенный пример в уголовный процесс РФ, можно предположить, что в соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят к одному из его близких родственников. Складывается особая ситуация, при которой интерес потерпевшего и обвиняемого имеет особое соотношение, обусловленное социально-психологической основой его построения. Справедливо отмечает И.В. Жеребятьев, указывая на то, что потерпевший может также иметь и цель оправдания подсудимого [4, с. 78].

Ситуация, при которой законный интерес потерпевшего и обвиняемого совпадает, встречается в практике Верховного Суда РФ.

В кассационной жалобе осужденный Т. просит применить ст. 64 УК РФ и снизить ему наказание. О снижении Т. наказания просит и потерпевшая З [10].

Анализируя российское уголовно-процессуальное законодательство, обращает на себя внимание следующее: нормы УПК раскрывают статус потерпевшего в ст. 42, хотя гл. 6 начинается статьей 37, т.е. первоначально акцентировано внимание на статусе и положении прокурора, следователя, руководителя следственного органа и т.д., как участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Изначально необходимо поместить и раскрыть личность потерпевшего. Существующее положение, по нашему мнению, не полностью соответствует ст. 6 УПК. Так, В.М. Лебедев отмечает, что уголовное судопроизводство как особый вид социально-правовой деятельности призвано бес-

печивать в первую очередь решение двух основных задач:

1) защиту прав и законных интересов граждан и организаций (а также, безусловно, интересов государства и общества в целом), потерпевших от преступлений; 2) защиту лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, от разного рода незаконного и необоснованного ограничения их прав и свобод [11, с.57-58]. Если гл. 6 УПК будет начинаться с раскрытия интересов потерпевшего, его прав и обязанностей, тем самым будет прослеживаться логика построения всей процессуальной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры. В этом плане правильнее построена глава 7 УПК, показавшая статус обвиняемого (подозреваемого), в дальнейшем раскрываются участники стороны защиты, которые и отталкиваются в своей деятельности в рамках уголовно-процессуальных правоотношений от интересов личности обвиняемого (подозреваемого).

Очень точно заметил Н.П. Ведищев, адвокат Московской коллегии адвокатов «Сословие», считающий, что потерпевший как лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный и репутационный вред, имеет в уголовном процессе свои интересы. Для защиты этих интересов он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделен правами стороны. Такой подход регламентации прав потерпевшего соответствует положениям «Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью», согласно которым потерпевшему должна быть обеспечена возможность изложить свое мнение и положения на любых этапах судебного разбирательства, в тех случаях, когда затрагиваются его личные интересы, но без ущерба для обвиняемых [12, с. 11]. В связи с вышеизложенным, предлагаемая нами уголовно-процессуальная модель реализации интересов показывает, насколько взаимосвязаны между собой обвиняемый и потерпевший, их интересы, обозначенные в уголовном деле, и как влияют внешние составляющие, в качестве которых выступают обязанности должностных лиц предварительного расследования. Исходя из структуры законных интересов обвиняемого, например, недопущения нарушения норм материального и процессуального законодательства при произ-

водстве по уголовному делу со стороны дознавателя, следователя, невыполнение такого рода обязательств повлечет нарушение интересов обвиняемого, а как следствие, это влияет на интересы потерпевшего. Так, в производстве Советского районного суда города Челябинска находится уголовное дело по обвинению гражданина С.А.Изосимова в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 264 (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) УК РФ. Как следует из приобщенных к запросу документов, установив в ходе судебного заседания, что при проведении предварительного расследования были допущены нарушения, выразившиеся в не обеспечении обвиняемому прав на получение квалифицированной юридической помощи адвоката (защитника), на ознакомление по окончании предварительного следствия с материалами уголовного дела и на заявление ходатайств, суд счел невозможным рассматривать дело по существу [13]. По этому поводу КС РФ отмечает, что с учетом содержания и значимости досудебного производства уголовно-процессуальный закон гарантирует обвиняемому на стадии предварительного расследования право знать, в чем он обвиняется, пользоваться помощью защитника, помощью переводчика бесплатно, представлять при этом доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться по окончании дознания или предварительного следствия со всеми материалами уголовного дела и ряд других прав (статья 47 УПК Российской Федерации). Потерпевший, в свою очередь, вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении, иметь своего представителя, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, знакомиться с материалами уголовного дела и т.д. (статья 42 УПК Российской Федерации). Нарушение процессуальных прав потерпевшего и обвиняемого в стадии предварительного расследования может лишить их эффективной судебной защиты.

Уголовно-процессуальный диалог между обвиняемым и потерпевшим это есть важная составляющая современного российского уголовного процесса. Однако, насколько он будет эффективен, во многом зависит построение досудебного производства. Многими учеными затрагивается вопрос о праве ознакомления потерпевшего с материалами уголовного дела

в качестве необходимой предпосылки реализации своих интересов. Этот момент подчеркивает важность предлагаемой нами модели, так как КС РФ, исходя из своей позиции, отметил, что право потерпевшего на ознакомление с документами предварительного следствия должно напрямую соотноситься с правами обвиняемого (подозреваемого) [14]. Невыполнение такого рода обязанностей со стороны дознавателя, следователя нарушает возможность существования диалога, разрушает уголовно-процессуальную модель и, как результат, соотношение интересов обвиняемого и потерпевшего.

Не совсем точна, на наш взгляд, позиция, высказанная С.Р. Зелениным, судьей Верховного Суда РФ. Рассматривая вопрос участия потерпевшего в уголовном процесс, он отмечает, что «... в свете совершенствования принципов состязательного правосудия и равенства сторон вопрос адекватного восстановления и обеспечения прав жертв преступлений приобрел особую актуальность. Перекос в реализации этого принципа, приоритет защиты прав обвиняемого в ущерб законным интересам потерпевшего неизбежно ведет к утрате самой цели уголовного правосудия, провозглашенной в ст. 6 УПК РФ [15]. Этот проблемный аспект создается порой искусственно, а перекося, о котором идет речь выше, исходит зачастую из норм самого уголовно-процессуального законодательства. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации №17

«О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» от 29.06.2010г. в ч. 3

сказано, что в силу части 1 ст. 42 УПК РФ лицо, которому преступлением причинен вред, приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом права и обязанности с момента вынесения дознавателем, следователем, руководителем следственного органа или судом постановления о признании его потерпевшим. Вместе с тем следует иметь в виду, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им [16]. Однако, с момента вынесения постановления потерпевший приобретает права и обязанности, которые служат лицу для реализации его интересов, выше об этом нами было упомянуто. В то же самое время, указанное постановление не формирует положение потерпевшего. Тогда возникают два вопроса. Во-первых, с какого момента потерпевший реализует свои интересы в досудебном производстве? Во-вторых, где отправная точка соотношения интересов обвиняемого и потерпевшего?

В заключение следует сказать, что вопрос уголовно-процессуального соотношения интересов обвиняемого и потерпевшего является сложной единицей, да еще со многими неизвестными. Однако, это то и позволяет искать решение поставленной задачи. Это задача показывает, что перестроение российского уголовного процесса необходимо рассматривать через призму «обвиняемый и потерпевший», их интересов, усиления уголовно-процессуальной культуры взаимоотношения указанных лиц.

16.01.2012

Список литературы:

1. Кругликов А.П., Бирюкова И.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего как принцип уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. – № 4. – 2008.
2. Чепрасов М.Г. Уголовно-процессуальная модель реализации законных интересов обвиняемого: понятие, содержание // Известия ОГАУ. – 2011. – № 3.
3. Комиссаров В.И. Потерпевший – центральная фигура уголовного судопроизводства // Российская юстиция. – № 9. – 2010.
4. Жеребятнев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: Монография. – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004.
5. Божьев В.П. Участие потерпевшего на предварительном следствии // Российский следователь. – 2010.
6. Колоколов Н.А. Защита жертв преступлений: возможные пути совершенствования процессуального закона // Проблемы защиты жертв преступлений (материалы расширенного заседания Ученого совета НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ). М., 1999.
7. Чичканов А.Б. Принцип состязательности в российском уголовном судопроизводстве // Правоведение. – 2001. – № 5.
8. Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М., 1999.
9. URL: <http://www.gzt.ru> (электронный ресурс).
10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 июня 2011 г. №47–О11–42 // Электронный архив Верховного Суда за 2011 г.
11. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, – 2010.

12. Ведищев Н.П. Права потерпевшего на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. – 2010. – №8.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. №18.-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса.
14. Определение КС РФ от 14.01.2003 №43-О.
15. Зеленин С.Р. Участие потерпевшего в уголовном процессе: разъяснение Пленума Верховного Суда РФ // Уголовный процесс. – 2010. – № 8.
16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» от 29.06.2010 г. № 17-П.

Сведения об авторе: Чепрасов Михаил Геннадьевич, преподаватель кафедры уголовного права и процесса Оренбургского государственного аграрного университета
460795, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18, e-mail:mihail1708@rambler.ru

UDC 343.11

Cheprasov M.G.

Oreburg state agrarian university, mihail1708@rambler.ru

CRIMINALLY-REMEDIAL PARITY OF LEGITIMATE INTERESTS ACCUSED AND THE VICTIM WITHIN THE LIMITS OF THE RUSSIAN CRIMINAL TRIAL

The present article is devoted theoretical and practical questions of a parity of legitimate interests of the person accused and the victim within the limits of the Russian criminal legal proceedings.

Key words: Accused, the victim, a legitimate interest, a parity of legitimate interests, criminally-remedial model.

Bibliography:

1. Kruglikov A.P., Birjukova I.A. Maintenance of the rights and legitimate interests suffered as a principle of criminal legal proceedings // Criminal trial № 4. – 2008. – P.64.
2. Cheprasov M. Criminally-remedial model of realisation of legitimate interests of the accused: concept, the maintenance // News OSAU 2011. – № 3. – P. 378–380.
3. Komisarov V. The victim – the central figure of criminal legal proceedings // the Russian justice № 9. – 2010. – P. 32–33.
4. Zherebeatev I. The person of the victim in modern criminal legal proceedings of Russia: the Monography. – Orenburg: SOU OSU, 2004. – P.150.
5. Bozhev V.P. Uchastie of the victim on preliminary investigation // the Russian inspector. 2010. – P. 21.
6. Kolokolov N.A. Zashchita's bells of victims of crimes: possible ways of perfection of the remedial law / Problems of protection of victims of crimes (materials of the expanded session of the Academic council of scientific research institute of problems of strengthening of legality and the law and order at the State Office of Public Prosecutor of the Russian Federation). M, 1999. P. 15.
7. Chichkanov A. Principle of competitiveness in the Russian criminal legal proceedings // Jurisprudence. 2001. – № 5. – P. 126–128.
8. Christie N. Konflikty as the property // Justice on affairs of minors. Prospects of development. M, 1999. – P. 28, 36.
9. URL: <http://www.gzt.ru> (an electronic resource).
10. Cassation definition of Judicial board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation from June, 9th, 2011. № 47-О11-42 // Electronic archive of the Supreme Court for 2011.
11. The Scientifically-practical comment to the Criminally-remedial code of the Russian Federation / under V.M.Lebedev; V.P.Bozhev. 6 the reslave. and M: Publishing house Jurajt, 2010. – P. 57–58.
12. Vedishev N.P. Right of the victim at a pre-judicial stage of criminal legal proceedings // Criminal trial. 2010. – № 8. – P.11.
13. The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from December, 8th, 2003 №18-П «On the case of check of constitutionality of positions of articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, and also chapters 35 and 39 Criminally-remedial codes.
14. Definition KC the Russian Federation from 1/14/2003 №43-D.
15. Zelenin S.R. participation of the victim in criminal trial: an explanation of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal trial. 2010. №8. P. 14.
16. The decision of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «About practice of application by courts of the norms regulating participation of the victim in criminal legal proceedings» from 6/29/2010 № the 17-P.